

Продолжаем публикацию статей, подготовленных участниками научной конференции «XII Пospelовские чтения. Литературоведческий тезаурус: обретения и потери», состоявшейся на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова 15–16 декабря 2015 г. (ред.-сост. Л.В. Чернец, проф. кафедры теории литературы). Начало публикации см.: Stephanos. 2016. № 1(15)

С.Г. Исаев

Тезаурус на границах литературоведения («Записи и выписки» М.Л. Гаспарова)

Аннотация: В статье раскрывается характерный для творческих исканий второй половины XX столетия сдвиг научного дискурса к художественной литературе. В «Записях и выписках» М.Л. Гаспарова интердискурсивность повлекла за собой последовательное преобразование классической философско-литературоведческой терминологии, в частности пересмотр классической концепции творчества. Рассмотрен диссипативный процесс в области антропологических представлений Гаспарова, показано рождение в этой сфере «нового порядка из хаоса». Анализ интердискурсивности увязан с рассмотрением формирования новых черт жанра «Записей», показана их «романизация».

Ключевые слова: тезаурус, интердискурсивность, классика, неклассика, творческое «я», личность, антропология

Abstract: The article reveals the characteristic for the creative aspirations of the second half of the twentieth century, the shift in scientific discourse to fiction. In the 'Records and extracts' M.L. Gasparov international discourse led to a sequential transformation of classical philosophical and literary terminology, and also led the scientist to revise the classical conception of creativity. Considered dissipative process in the field of anthropological ideas Gasparova, shows the birth of a «new order out of chaos». Analysis of interdiscursivity linked to the review of formation of new features of the genre of 'Records' shown their «romanization».

Key words: thesaurus, interdiscourse, classic, neoclassica, creative 'I', identity, anthropology

Начиная со второй половины XX столетия в гуманитарных науках дает о себе знать тенденция инкорпорирования средств художественности в строгое, логически организованное научное пространство. Как известно, усилия в этом направлении предпринимают Жиль Делёз, Жак Деррида, Ролан Барт и др. выдающиеся

авторы. Так, Жиль Делёз собирается «написать роман, одновременно логический и психоаналитический», дав ему название «Логика смысла»¹. Жак Деррида, характеризуя особенности своей книги «О грамматологии», отмечает, что «она *маркирует* и в то же время *расшатывает* границу, замыкающую поле классической научности»². Уместно также вспомнить о переориентировании на «один из жанров литературы» литературоведческой методологии позднего Р. Барта в его «Фрагментах из речи влюбленного» (1977), в «Camera lucida» (1980) и фрагментах «Ролан Барт о Ролане Барте» (1975).

Стремление выйти за границы литературоведения характерно и для «Записей и выписок» М.Л. Гаспарова. С одной стороны, неопровержим их научный статус, который подчеркивают и включенные в книгу специальные статьи, и точность терминологии, и филологические приемы анализа и пр. По мнению Н.С. Автономовой, имя Гаспарова – в одном ряду с Якобсоном, Бахтиным и Лотманом³.

И все же, оставаясь научным произведением, «Записи и выписки», на наш взгляд, смещают свой предмет к границам литературоведения. Взаимодействие между «творческим» и «исследовательским» началами, по мнению Гаспарова, не только возможно, но и необходимо, поскольку функции исследования, расходясь с функциями творчества, могут дополнять друг друга: творчество, в том числе художественное, «усложняет картину мира», а наука «упрощает ее»⁴.

Проблема, рождающаяся в тексте «Записей и выписок», заключена не только в уяснении профиля этого сочинения. Здесь мы сталкиваемся с особым ракурсом видения интердискурсивности: она воспринята не только в границах индивидуальной антропологии, но и гораздо шире – в рамках пересмотра ученым представлений о человеке в изменившейся к концу XX столетия картине мира. Так, в суждениях об Ольге Михайловне Фрейденберг Гаспарова волнует то, что происходит в самом дискурсе, когда его *автор оказывается не на своем месте*. «О.Ф. явно была человеком творческим, но по каким-то обстоятельствам не могла создавать ни поэм, ни статуй, ни симфоний, и материалом имела только собственную жизнь и классическую филологию. С ними она и стала обращаться как скульптор с мрамором, сопротивляющимся ее идее...»⁵. Антропологическому ракурсу в понимании интердискурсивности Гаспаров придает импульс, открывающий параллельное движение научных мотивов, давая понять, что не на своем месте может оказаться и исследователь; и здесь внимание на себя обращает интимное восприятие именно второго варианта затронутого вопроса: «Я думал, что среди творческих типов исключений нет, но, может быть, и есть: кажется, человеком исследовательского склада на творческом месте был Джойс, расписывавший “Улисса” на карточках цветными карандашами, не самоутверждавшийся в литературных борьбах, а живший абсолютным

¹ Делёз Ж. Логика смысла. М.: Академический Проект, 2011. С. 7–8.

² Деррида Ж. Позитивизм. М.: Академический Проект, 2007. С. 44.

³ «Якобсон выступает здесь как один из первооткрывателей структурных методов в лингвистике, Лотман как ученый, использовавший структурно-семиотический метод в его развернутой форме, Гаспаров – как тот, кто, признавая любое научное исследование исследованием структуры, ставил акцент на позитивное изучение фактов и их сравнительно-статистическую обработку – на материале стиховедения» (Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. С. 13).

⁴ Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М.: НЛО, 2001. С. 102. Далее сноски на данное издание приводятся в тексте с указанием страницы.

⁵ Ваш М.Г.: Из писем Михаила Леоновича Гаспарова. М.: Новое издательство, 2008. С. 24.

обывателем во всем, кроме только музыки и словесности. Может быть, поэтому я к нему и приятен»¹.

Так называемый второй антропологический поворот изменил представления о назначении научной деятельности: «Творческий деятель, – полагает Гаспаров, – стремится к самоутверждению, исследователь – к самоотрицанию» (с. 102). И еще о том же, но в обобщенном плане: «Искусство учит самоутверждаться, а наука – “не заноситься”» (с. 100).

Философско- и социально-антропологическая тенденция раскрытия человеческого «Я» в «Записях и выписках» заключена в номинировании творческого субъекта как части целого: «Я – ничто как личность, но я – нечто как частица среды, складывающей другие личности» (с. 141). Как следует из этого суждения, понимание личности в нем опирается на логику, акцентирующую «хоровое начало», коллективность, слияние усилий и уничтожение индивидуальности. Вместе с тем «Я» как частица среды, несущая на себе влияния среды и одновременно влияющая на формирующую ее среду, и сама социальная детерминанта также получают в структуре «Записей и выписок» не только утверждающее, но и резко сатирическое, ироническое освещение. «**Личность** – скрещение социальных отношений. Такова была купчиха Писемского, любившая мужа по закону, офицера из чувства и кучера для удовольствия» (с. 141). В последнем высказывании уже отчетливо проступает парадоксальность тезауруса «Записей и выписок», характерная для многих творческих деятелей второй половины XX столетия.

Перенесение рассмотренных выше методологических установок в сферу поэтики произведения также зиждется у Гаспарова на парадоксальном расхождении в номинировании научности как таковой и описании ее социально-психологических аспектов, а также в терминологическом определении объекта изучения и субъекта исследования: «**Литературовед.** Был тезис В.В. Федорова: “Изучение произведения осуществляет процесс собирания литературоведа в личность”. Можно ли сказать, что процесс измерения силы тока собирает амперметр в личность? Я вспомнил взбесившиеся фортепьяны Дидро» (с. 259). В ироничном ключе говорится и об авторских эмоциях, переживаниях и рефлексиях: «**Личность.** Начало ненаписанной книги о римских поэтах: “Все эти стихи были бы написаны на тех же силовых линиях и без этих поэтов, но явление этих поэтов стягивало эти линии в такие-то пучки, и натяжение это было болезненно и для нитей, и для скрепок – эта боль и составляет предмет нашего дальнейшего рассмотрения” и т. д.» (с. 259).

Внешне терминология и процесс проявления авторской субъективности складываются как установление факта исторической безличности и утраты новой эпохой личностного начала². В действительности, дело не только в окказиональном, социальном и историческом контекстах. Переживая их роль в «Записях и выписках», мы подходим к кульминации в движении понятия «личность» в рассматриваемом тексте, которое в нем претерпевает полную диссипацию³ и полное осво-

¹ Ваш М.Г.: Из писем Михаила Леоновича Гаспарова. С. 25.

² «**Личность** как дефект в течение безличной истории – ср. “эстетика изучает дыры, мешающие летать воздушным шарам” (Бп). “Не надо бояться потери личности – т. е. потери неумения или неспособности что-то сделать.” (А. Жид, 1,4 54)» (с. 259).

³ «**Личность** как точка пересечения Сюжет И. О. Живут шесть мужчин: семьянин, патриот, блондин, химик, спортсмен и мерзавец; и шесть женщин с такими же характеристиками. Все друг с другом связаны: супруги, любовники, приятели, сотрудники. Отношения запутываются, семьянин ревнует жену к спортсмену, по наущению мерзавца добывает у химика отраву и губит соперника. Начинается следствие, и скоро обнаруживается, что все шестеро были одним и тем же лицом.

бождение личности от самой себя: «**Я**. “Господи, избавь меня от меня” (Т. Browne)» (с. 71); «**Я**. Восп. Н. Русанова начинаются: <У Паскаля сказано: “Я” вещь ненавистная...» (с. 71).

Вместе с тем на периферии диссипативного поля, где происходит полное освобождение «Я» от самого себя, из хаоса начинает формироваться новый порядок. Поначалу номинирование «Я» как творческого субъекта приобретает оксюморонную форму (по принципу – смерть / возрождение): «**Я**. Из меня будет хороший культурный перебой» (с. 187). Затем негативный материал, накапливающийся вокруг номинирования авторской личности и авторского «Я», становится источником для формирования новой позиции. Преобразование литературоведческой терминологической сферы «Записей и вывесок» начинается по мере их внутреннего движения от науки к литературе, – у границы, где номинирование входит в зону, актуализирующую творческий, литературно-художественный потенциал самого М.Л. Гаспарова. Благодаря взаимодействию в «Записях и выписках» разноприродных стихий – науки и искусства – структура номинирующих высказываний, посвященных личности автора, усложняется, приобретая форму оговорок, уклонений, отступлений и ремарок: «**Я** “Мое физическое «я» оказывается ненужным и неудобным приложением к моей работе. *Между тем, без него обойтись нельзя*” (О. Мандельштам к Н. Тихонову, март 1937) [выделено нами. – С.И.]» (с. 71).

Дальнейшее становление нового порядка в номинирующей деятельности, очевидно, опирается у Гаспарова на демонстрацию игровой, многоролевой природы «Я»: «**Личность** “У Макса вместо личности – пасхальное яйцо, а в нем другое, третье” (Шенгели о Волошине в письмах к Шкапской). См. ТОЧКА.» (с. 372). Или: «**Я** “Это дело двоих: меня и еще одного меня”, говорил Мейерхольд (Гладков 270)» (с. 187). Игровое понимание личности способствует «воскрешению» гаспаровского «научного» субъекта, который, «восставая» из небытия, оказывается не чужд внутренней субъективности, эмоциональности, раскрепощенности и потребности «говорить красиво».

Как отмечено в аннотации к изданию, рассматриваемый текст представляет «причудливый сплав дневниковых заметок, воспоминаний и литературно-критических эссе». Отмеченные издательством жанровые особенности сближают созданный в «Записях и выписках» дискурсивный массив с художественной прозой и «филологическим романом» XX столетия. Косвенные указания на жанровое своеобразие «Записей и выписок» содержатся в отдельных вставках: «*Сыну приснился сон про меня. Я иду на медведя, но больше всего стараюсь не сделать ему больно. Я нацупываю ему сердце, а он тем временем мотает на лапу мои кишки. Я его таки убил, но после этого понятным образом оказался в санатории “Омега”, где написал машинописный роман. В предисловии сообщается, что четные главы я писал, выздоравливая, а нечетные в бреду, и чередуются они для разнообразия. И что в романе много самоубийств, но на разных языках (NN удавился по-русски, а другие – следуют фразы латинская, испанская, немецкая...), поэтому не надо удивляться, что иные, умерев на одном языке, продолжают жить на других, и т. д.*» (с. 337).

Доверие к особой логике сна – одна из особенностей художественной литературы как таковой, после работ З. Фрейда и К.Г. Юнга – особенно. Интерес к снам сполна проявляется и в тексте Гаспарова. Вставки, пересказывающие сны, пронизывают все пространство «Записей и выписок». Поскольку они выделены

Больше того: не исключена возможность, что и следовательно то же самое лицо. Но что же, стало быть, произошло? самоубийство? или все-таки нет? Не разобрался» (с. 259).

курсивом, дизайн текста информирует об авторской воле постоянно. Сны, с одной стороны, явно нарушают порядок научной дискурсивности. С другой стороны, пересказ снов и апелляция к воспроизводимым в них сюжетам не противоречат строгим условиям научного мышления, поскольку в современной филологии сны определенно стали ее интерпретирующими моделями. Существенно, следовательно, отношение к снам. Констатируем: появление снов в «Записях и выписках» мы оцениваем как сигнал, сообщающий об использовании фрагментов, принадлежащих одновременно и науке, и художественному творчеству.

К фрагментам переходного типа в «Записях и выписках» Гаспарова, на наш взгляд, относятся и те части текста, которые посвящены «литературному быту». Подобно «филологическим романам» К. Вагинова, В. Каверина, В. Набокова, А. Гениса, Ю. Буйды, А. Байетт, Дж. Барнса, Д. Лоджа, «Записи и выписки» Гаспарова целенаправленно воссоздают атмосферу и обстановку, складывающуюся вокруг литературы, давая поражающие точностью деталей и психологической новизной бытовые сцены с участием выдающихся русских писателей (Пастернака, Мандельштама, Гумилева, Ахматовой, Цветаевой, И. Бродского) и выдающихся филологов (Б. Томашевского, Р. Якобсона, Ю. Лотмана, С. Аверинцева): «**Щина** “Тарелки вымыть не могла без Достоевщины”, говорил Пастернак о Цветаевой (Восп. О. Мочаловой, РГАЛИ, 273, 2, 6).» (с. 184). Или: «**Щи** Письмо от Ю.М. Лотмана: “Вышел тютчевский сборник: светлый проблеск в нынешней жизни. Это как на войне: фронт прорван, потери огромные, зато кухня та-а-акие щи сварила!”» (с. 184).

Соприкосновение «Записок...» с «бытом», литературной средой органично выводит текст Гаспарова к его собственной биографии, которая также предстает в мастерски отделанных, пленительных по интонации фрагментах, посвященных истории семьи самого Гаспарова и становлению его авторского самосознания. Благодаря этой формально нечеткой, подвижной, но интонационно всегда ощутимой и узнаваемой раме вся калейдоскопическая и занимательная научная «материальность» живет не отдельно, не сама по себе, а вместе с авторской судьбой, и ее приходится воспринимать как то, что составляет «начинку» авторского внутреннего мира, как то, благодаря чему опознаются, формируются и проверяются представления о мире и человечности.

Научный дискурс, таким образом, органично преобразуется. Собственно, научная его проекция не исчезает. Проблемы продолжают понятийно «формулироваться». Но сама структура научности теперь усложнена, дифференцируясь на три типа высказываний, которые, не противореча друг другу, построены различно. Одни из них (научно-литературные) являются суждениями, другие (биографические) – рассказами, третьи (отрывки из переводов) – чужими поэтическими фрагментами. В первом случае явления мира и человеческое «Я» определяются цепью логических определений, нередко взаимоисключающих друг друга, во втором – они персонафицируются в суждениях «Я» автора и предстают персонажами автобиографического повествования. В третьем случае – авторских персонажей заменяют персонажи чужих художественных произведений, появляющиеся на сцене.

С появлением в «Записях и выписках» литературно-художественных фрагментов понимание и отношение к человеку оказываются в новом смысловом поле. Пересмотр концепции творящего субъекта (авторского «Я») с учетом индивидуальных качеств личности, которая теперь позиционирует себя в художественном

пространстве, неизбежно приводит автора к преобразованию научно-дискурсивного поля в интердискурсивное.

Даже те особенности выразительной системы «Записей и выписок», которые мы уже назвали, на наш взгляд, позволяют отнести их и к художественной литературе, причем к литературе неклассического направления второй половины XX столетия. Можно заключить, что «Записи и выписки» Гаспарова – это приспособленная к XX столетию своеобразная хрестоматия гуманитарного знания. На самобытность этого текста кооперативно «работают» различные области культуры со своими методами, категориями, понятиями и средствами выразительности, что неизбежно и продвигает его к принципам универсальности и универсализации приемов и методов творчества.

ЛИТЕРАТУРА

Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. 501 с.

Ваш М.Г.: Из писем Михаила Леоновича Гаспарова. М.: Новое издательство, 2008. 452 с.

Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М.: НЛО, 2001. 416 с.

Делез Ж. Логика смысла. М.: Академический Проект, 2011. 472 с.

Деррида Ж. Позиции. М.: Академический Проект. 2007. 160 с.

Ладокхина О.Ф. Филологический роман: фантом или реальность русской литературы XX в.? М.: Водолей, 2010. 168 с.

Разумова А.О. Путь формалистов к прозе // Вопросы литературы. 2004. № 3. С. 131–150.

Степанова И.М. Филологический роман как «промежуточная словесность» в русской прозе конца XX века // Вестник Томского гос. ун-та. Сер. Гуманит. науки (филология). 2005. Вып. 6. С. 75–82.

REFERENCES

Avtonomova N.S. (2009) The Open Structure: Jacobson – Bakhtin – Lotman – Gasparov. Moscow. Russian Political Encyclopedia Publ. 501 p.

Your M.G.: From the Letters of Mikhail Leonovich Gasparov. Moscow. New Publishing House. 2008. 452 p.

Gasparov M.L. (2001) Records and Extracts. Moscow. NLO. 416 p.

Deleuze Gilles. (1969) Logique du Sens. Paris. Les Editions de Minuit. 392 p.

Derrida Jacques. (1972) Positions. Paris. Les Editions de Minuit. 133 p.

Ladokhina O.F. (2010) Philological Novel: the Phantom or Reality of Russian Literature in the Twentieth Century? Moscow. Aquarius Publ. 168 p.

Razumova A.O. The Way of Formalists to Prose. *Issues of Literature*. 2004. No 3, pp. 131–150.

Stepanova M.I. Philological Novel as “intermediate verblivity” in the Russian Prose of the Late XXth century. *The Tomsk State University Bulletin. Ser. Humanitie of Science (Philology)*. 2005. Vol. 6, pp. 75–82.

Сведения об авторе:
Сергей Георгиевич Исаев,
докт. филол. наук
профессор
кафедры русской и зарубежной литературы
НовГУ им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)

Sergey Georgievich Isaev
Doctor of Philology
Professor
Department of Russian and Foreign Literature
NovSU them. Yaroslav the Wise (Novgorod the Great)
isaev_2042@mail.ru